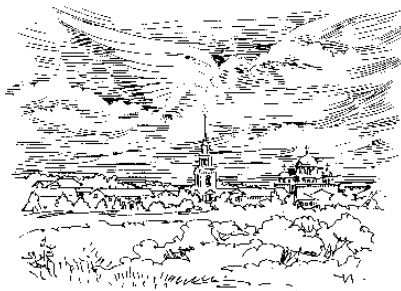

*Три оружия есть у врача:
слово, растение, нож.*

Авиценна

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над Липецком ангелы кружат
И все в оперении белом:
Спасают и брата, и мужа
Иль просто случайное тело.
А телу такая станция —
Палата, реанимация!
Сосудистых, нервных, ковидных
И прочих гражданов болезных
Плениют они — Айболиты,
Вживляют шприцы-саморезы.
Сквозь камень, металл и полночи
Летают скорые помощи.
Так было в боях и в буднях —
В году сорок первом и пятом:
Ангелы на парашютах
Спасали бойцов и комбатов.
Гонцами из той обители —
Над Липецком истребители.
Над «Тракторным» и над «Прогрессом»
Висит перевязочный ситец,
Висит Сталинград по-над лесом,
Бинтами прикрыв Новолипецк...
Ангелы, жизнь, операции —
Девятнадцатый — овации!
Девятнадцатый — это №,

Симфония микрорайона.
В соседнем, в писательском доме,
Нашел я того капюшона:
Грозил я ему — смотрящему —
«Волчарами настоящими».
Я в «Мост», а «волчары» в капканы —
Поэма не для слабонервных.
Меня ж занесли в хулиганы
Холуи и прочие стервы...
...Теперь сдружился с таблетками,
С врачами, будто с соседками.
А капюшон? На том же месте:
Все тот же стул из кабинета.
Ему лет 100, а может 200 —
Враг Пушкина и Грибоеда!
Врача боится проворного
(Вдруг ангелы схватят черного!).
Сегодня их дом здесь и Правда —
Ее ведь не вымарать кровью:
Врача, как любого солдата,
Покрыть надо встречной любовью.
Я сам стал тому свидетелем,
Упав на кушетку лебедем.
Пронес меня ветер надежды
Сквозь все проходные и стены.
Мой доктор, пожалуйста клещи
В мои деревянные вены.
Они у меня с подвязками —
С печатями лебедянскими.
Вот только рецензиям этим
Нет веры и нет антидота.
Впрочем... налейте, как детям,
Из сухофруктов компота.
Изюмом кишки обеспечены,
Меж селезенкой и печенью.
Попал я в хорошие руки —
В объятья хирурга и Бога:
«Богородицу» не от скуки
Достал я из левого бока...
Все по уму, неназойливо —
Щедрина Татьяна Анатольевна!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Теперь палата номер три —
Этаж другой, но смысл тот самый:
Врач поднимает изнутри
Мои проселочные камни.
Я им поведал, что футбол
Люблю, как гречневую кашу!
А я, друзья, не балабол
И не любитель эпатажа.

Когда на койку привезли
Мои конечности босые,
То попросил, чтоб кандалы
С меня спилили вековые.
Все потому, что мне без ног
Весь этот бал не интересен.
Без них — родимых — я б не смог,
Ведь я, признаться, не Маресьев!
Да! Был Маресьев — славный росс!
Мне до него как до Пекина:
Всего лишь... сделали наркоз,
А тело дуб напополам.
Случился неплохой улов
(Комдиву поцелую руку!),
Ведь славный доктор Сиваков
Схватил за горло каменюку.
Медсестры — феи во плоти,
Как ангелы очередные.
И капают в мои сады,
Как будто граммы фронтовые.
А в тех садах сплошная лень
Идет по трубкам из сосуда:
Есть Дарьи Игоревны тень,
Ее очки из Голливуда.
Я с ней столкнулся позавчер,
Когда светил пустое брюхо,
Она включила светофор
И результат вложила в ухо.
Диагноз четкий, как планшет,
Дальнейший план — он как гербарий.
Ей бы на пояс пистолет
И ворох боевых медалей.
Она смогла бы на коня!..
Они смогли бы все бесстрашно —
Быть под лавиною огня,
Окоп покинуть бесшабашно.
Спасибо всем, а я вздремну:
Увижу дом, березы в меди,
Свою любимую жену
И не на том, на этом свете.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спасибо, доктор Щедрина,
Мой сон силен и аккуратен.
Я сплю сегодня без вина,
Без всяких там кистовых пятен.
Как будто из сороковых —
Вы ангел, Вы одна из них!
Халаты белые кругом,
Как крылья шустрых звездолетов.
Сегодня их аэродром

На этих выжатых болотах...
На том последнем этаже —
Как бы на Курском рубеже.
Там операции идут,
Пускай и не того масштаба,
Людей спасает парашют
И ангельская спецбригада.
Так происходит день за днем,
Пока мне капают бульон!
Модельный носик снится, брошь —
Джоконды здешней обереги.
Душа вонзила, будто нож,
Мне шприц в центральные отсеки.
Умна она, красива тож,
Что в наше время редкий ЗОЖ!
Проспав и язву, и цистит,
Кровать ребристую пришпорю!
Я, словно липецкий таксист,
В педалях возлюбивший волю.
О том же думает сосед —
Культияпа — худосочный дед.
Он пионером был, грозой —
Китайцам обещал картечи!
Снаряд рванул, и врач пилою
Мальцу укоротил предплечье.
Товарищ Мао — хунвейбин,
Ваську — 100 лет пенициллин!..
Он мне сосед! И пару раз
Я перевязывал босоту.
И мне хотелось прямо в глаз —
Китайцам тем послать пилота,
Чтоб в брюхе был — той детворы —
Привет: «ПАЛАТА № 3!».
Живу неделю, словно царь:
Звонки, брюзжанья и обеды...
Листал ревнивый календарь
Те гениальные диеты:
Они здесь истинно умны —
Врачи любой величины.
Однажды, належавшись власть,
Пошел пройтись, а там диванчик:
Шагает мимо чья-то страсть,
А я как будто мальчик-с-пальчик.
Диван хорош, а мне опять
Совсем не светит та кровать.
Притом... как будто театрал,
Сиж у шелковой дорожки:
Шагает мимо карнавал —
И через раз какие ножки?!
И песню хочется мне петь!
Да так, чтобы взорвалась медь!..
Но вдруг одна, во всей красе,

Подходит сделать замечанье:
Мол, карантин у нас, месье,
Ступайте прочь в опочивальню.
А рядом с ней молчит пиджак —
Молоденький, уже табак...
Зачем же так, мадмуазель,
Диван больному не опасен.
У Вас, понятно, канитель,
А у меня сегодня праздник!
И мне не в тему Ваш топор —
Суровый Роспотребнадзор.
На страже Он стоит, как штык,
Всех привилегий и запретов.
Но здесь, увы, случился бзик —
Мне зря грозили кабинетом:
Надзор здесь ни при чем, как снег,
Такой есть фактор — человек!..
Матриархат всему виной,
Ведь мужики теперь в запасе?!
Зачем красотке волевой
Авторитетные лампасы?..
Пока жевал я свой оскал,
От жизни, стало быть, отстал?!
Красив и грозен бюрократ —
Так на Руси всегда бывало.
И даже вечный Гиппократ
Не мог им заровнять забрало.
О том поведал Грибоед —
Друг Пушкина и лейб-поэт!
Хотя... довольно пировать,
Пора домой, на третью койку.
Рекомендовано мне спать,
А то, глядишь, поставят двойку.
Я ж в дисциплине знаю толк,
Хоть сам почти что чистый волк.
Но чую вдруг, что стал добреть
С тех пор, как побывал в рентгене:
Срослась язвительная плеть
В моем душевном Карфагене.
А посему бессилен черт —
Есть у меня стихирный йод!
Есть Доктор, и всегда он был —
Я помню профиль олимпийский!
Тот Доктор из таких светил,
С бывалым кортиком балтийским.
Его фамилия Житков!
Он фронтовик из моряков!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О нем мне Панюшкин сказал —
Он тоже был моряк, что надо:

Был настоящий театрал
И палубная спецбригада...

Издal Житкова он зараз,
Когда уж смерть сидела в кресле:
Дед был как преданный Кавказ,
Для Деда друг на первом месте.
Мы с ним умели по одной
За тех, кто лег меж скал не в койки.
Утюжил водочный прибор
Либавы берег и подлодки.
Здесь за Житкова он поднял,
И понял я, что это сила.
Есть настоящий мореман
И медицинское светило!
Тут... слово за слово, не вдруг,
Дед вспомнил Зегеля — поэму.
Он был ему совсем не друг,
А тот — кто закалял систему.
В семидесятых написал
Ему он оду волевою:
Про Совнарком и капитал,
Про ту антоновскую бурю.
Потом был лес и атаман
И той империи осколки:
Фрол, Серый, любовь и наган —
Мои «Настоящие волки».
Есть две поэмы — две души!
Две пули есть, есть два поэта.
Скакали рядом миражи —
Кожаны Реввоенсовета.
Так мы сидели и не раз:
Читали, пели и мечтали,
Чтоб наша Русь накрыла вас,
Как пятитонные скрижали.
Да! Были люди на Руси,
Да и сейчас, пожалуй, тоже.
Помилуй, Господи, прости,
Коль я обидел... Я ж художник!
Не кистью рыхлой, а в глагол
Я замурую наши тосты.
Мы пьем сегодня валидол,
А завтра ляжем на погосты.
Но верю я, найдется он —
Тот, кто продолжит эту песню:
Опять Либава под огнем,
Житков и Панюшкин в контексте.
Все ж подлечусь у Щединой —
На всякий случай, на пожарный.
Вдруг я последний, я изгой
И берег тот чужой... Янтарный!
Желудок, печень — в бумбараш,

Гемоглобин козленком скачет.
Вести последний репортаж
Я буду с койки... не иначе.
Экологический коллапс —
Такой диагноз нынче в поле.
Быть может, в мой противогаз
Проник микроб на водопое?
С водой сегодня не шути,
Вода сегодня в карауле:
В Ухани желтые коты
Не тех мышей сожрали всеу.
Запив из моря аль с реки
Немаркированные яды,
Котяр несметные полки
Опять нам машут из засады.
Тут дядю Васю вспомню вдруг —
Его настырную культяпу:
Китаец нам, конечно, друг,
Но если что, откусит лапу...
Мабудь, кумекают «орлы»,
Что без войны нас сделать можно?
О чем спевали «Песняры»,
Мы им напомним осторожно!
Напомним всем про Сталинград —
Враг за него платил не в фунтах...
Небось, слышал их кандидат
Об ангелах на парашютах!
Они все знают: нас не взять —
Мы не горим, в штормах не тонем!
По доброте своей опять
В вакцине вымочим их брони.
Опять на плечи парашют
Наш доктор вскинет на вокзале.
Лишь бы декретики иуд
Спасать планету не мешали!..
Сахара, Сирия, Ханой...
Среди бандитов и москитов
Ведет людей на водопой
Один из русских Айболитов!
На Лебедяни есть такой —
Романтик с настоящим током.
Коль позовут, он примет бой
Не со штыком, с фонендоскопом.
Когда в боку горел кинжал
От полуночных камнепадов,
Меня, как графа, принимал
Док по фамилии Плеханов.
Он не марксист, не богослов,
Он просто добрый Человеке!
Ведь он, как доктор Пирогов,
Ту Лебедянь таблеткой лечит.
Но тут таблеткой не возьмешь,

Здесь нужен козырь пошустрее —
Хирурга перочинный нож,
Возможно... бритва брадобрея.
Нужна железная меча,
Чтоб вскрыть фурункул краснорожий —
Рука такого силача
И настоящего вельможи!
Десант нам высадят, аль как,
Но без вранья и спозаранку
Лечить здесь будут даже рак
И африканскую ветрянку.
Дожить бы мне до той поры,
Чтоб увидеть не понаслышке
Ангелогрудые шатры
И пациентов без одышки.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Но главный док — это она!
Она, которая в тревоге
Мои оберегает ноги,
Моя родимая жена.
Доходчивей любой науки
Ее застенчивые руки!
Она и фельдшер, и глазной,
И терапевт тот самый-самый!
С ней вдохновенье и покой,
Как пред межзвездной панорамой.
Ведь наши рваные утробы
Отец Илья венчал до гроба.
Господь, он знает, что и как:
Сколь нам грустить и веселиться.
И если где-то есть бардак —
Это не враг и не убийца...
С ней я, как берендей воспетый,
С годами наливаюсь светом.
Она волшебница, поди,
Не только на Восьмое марта.
Она мой верный карантин,
Моя последняя граната.
Она из ангелов, вестимо.
Она та самая Камилла.
Почти римлянка, и в соку,
Но русскую не скроешь душу:
Коня стреножит на скаку,
Избу горящую потушит.
Нашла она во мне чего-то —
Какую матушку-пехоту?
Теперь диван опять со мной...
Программа «Матч» и дух футбола.
Никто не скажет мне: «Отбой!» —
Железным слогом дискобола.

Здесь не скучают по походке
Небесноглазые красотки.
Сестра моя — та тоже мозг —
Всех знает и умеет много.
Пишу я этот эпилог
И для нее. Судите строго!
У Пушкина — Руслан с Людмилой,
А у меня — сестра с Ириной.
По праву руку пара гирь
И благородные гантели.
Отец мне как-то подарил
Железки эти и качели.
Качал он сам бицуху в ЗОЖе —
Раз двести из упора лежа.
Возьмусь и я за этот спорт,
Вот только выйду из непрухи.
Сегодня двадцать первый год
Не мне, а вечной колотухе!
Жизнь бьет меня все эти годы,
Такой я баловень свободы.
Господь и ангелы со мной,
А это, согласитесь, много!
Давно ведет меня домой
Моя зачетная дорога.
И как-то видел я сквозь зори
Себя во светлом коридоре!

